

КОРРУПЦИЯ КАК БАРЬЕР РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Д. А. Литвинов

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 25 октября 2011 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы содержания коррупции, ее форм и масштабов проявления в современной России. Раскрывается негативная роль коррупции как социально-экономического препятствия в решении проблемы модернизации экономики России, показаны важнейшие средства и методы ограничения коррупционной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, технологические уклады модернизации экономики, формы коррупции, методы ограничения коррупционной деятельности, асимметрия рыночной информации.

Abstract: the paper illuminates the issues of corruption content, its forms and scale of exposing in modern Russia. The author uncovers a negative role of corruption as a socio-economic impediment in solving the problem of modernizing Russia's economy. He also demonstrates imperative means and techniques of restricting corruption activity.

Key words: corruption, technological modes of modernizing economy, corruption forms, techniques of restricting corruption activity, asymmetry of market information.

Исследования, проведенные экспертами Всемирного экономического форума на предмет выявления рисков, способных трансформироваться в современных условиях в глобальные кризисы, позволили установить, что таковыми являются:

риски макроэкономических дисбалансов и валютной нестабильности;

криминальные риски, к которым относятся незаконная торговля, преступность и коррупция;

эколого-демографическая категория рисков, связанная с истощением природных ресурсов и ускоряющимся ростом населения [1, с. 5].

Отсюда ясно, что проблема коррупции выходит за рамки национальных границ и приобретает межнациональное, межгосударственное звучание. Она подобна индусскому богу Шиве: многолика, клыкаста и многорука. Коррупционная деятельность в этом смысле еще и многогранна. В этой деятельности без труда можно найти экономический, идеологический, социальный, психологический и другие аспекты.

С уверенностью можно констатировать, что коррупция в своей основе аморальна и становится серьезным препятствием поступательному развитию экономики и социальной сферы в любом государстве. Более того, ее расширяющиеся масштабы являются ингибитором всего общественного прогресса.

К сожалению, необходимо отметить, что масштабы и глубина коррупции в переходном обще-

стве России приобретают угрожающий характер, подрывая не только экономику, но и государственность. Тем не менее, несмотря на широкомасштабный характер распространения этого явления, научное представление о содержании коррупции, ее издержках и возможных последствиях для социально-экономического развития испытывает явный дефицит.

Необходимость преодоления такого дефицита продиктована поставленными стратегическими целями и тактическими задачами, достижение и решение которых связано с обеспечением динамики социально-экономического развития на основе экономического роста и модернизации всей экономики. Цель и задачи – более чем напряженные и сложные. Речь идет о преодолении экономической и технико-технологической отсталости России. Стратегическая цель, которая предопределяет и задачи, заключается в достижении уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

Что же касается задач, то их содержание в следующем:

- развитие человеческого потенциала;
- переход к инновационному росту;
- структурная диверсификация экономики;

– расширение конкурентных преимуществ в традиционных секторах экономики (энергетика, агропромышленный комплекс и др.) и т.д.

В данном случае поставлена цель овладеть всеми преимуществами нового технологического уклада. Общеизвестно, что современная экономическая наука выделяет шесть технологических укладов, каждый из которых имеет свои специфические технико-экономические и технологические параметры. В частности, пятый технологический уклад специфичен такими характеристиками, как интеллектуализация средств труда, формирование информационного пространства, использование композиционных материалов, развитие генной инженерии и т.д. В структуре экономики ведущими отраслями являются атомное машиностроение, радиоэлектроника, космическая техника, авиастроение, химическая и нефтегазовая отрасли, приборостроение и ряд других. Шестой технологический уклад характеризуется сохранением ведущей роли отраслей пятого уклада, интеллектуализацией всего процесса производства, использованием нанотехнологий, переходом к новым источникам энергии.

Что касается российской экономики, то, по мнению ряда экономистов, она функционирует в рамках четвертого технологического уклада с элементами пятого уклада [2, с. 29]. Следовательно, чтобы занять свою нишу в когорте развитых стран, России необходимо окончательно освоить пятый технологический уклад и, как говорится, форсированным маршем войти в рамки шестого технологического уклада.

В экономической науке есть и другая периодизация формирования инновационной экономики. Речь идет в данном случае о выделении стадий, которые не имеют жесткого временного интервала, но эти стадии отличаются друг от друга источниками экономического роста: это – ресурсная стадия, инновационная стадия и стадия развития на основе национальных нововведений.

Основу ресурсной стадии развития составляет передача иностранных технологий в овеществленной форме; ценовая конкуренция обеспечивается за счет факторных издержек, а не за счет обеспечения более высокой производительности труда.

Инвестиционная стадия базируется на имитации известных нововведений и характеризуется крупномасштабными инвестициями в квалифицированную рабочую силу, технологии, научные исследования и разработки, заимствованием иностранных технологий, конкуренцией на основе улучшения потребительских свойств и др.

Для третьей стадии характерно институциональное взаимодействие науки и производства, и в первую очередь с промышленным производством. Кроме того, на этой стадии происходят усиление кооперационных связей между научно-исследовательскими центрами и промышленными корпорациями, конкурсное финансирование научных исследований и разработок, создание новых видов продукции и технологий, перемещение за пределы национальных границ низкоэффективного и экологически вредного производства. На данной стадии развития находится экономика США, Германии, Франции, Японии, Великобритании. Так, доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации в Германии, составляет 86,9 %, Франция – 78,4, Бельгия – 86,9, России – 41,3 % [3, с. 46].

Новую технику и новые технологии внедряют менее 10 % российских предприятий; следует отметить и крайне низкую эффективность разработки новых технологий. Если в 1995 г. на 1 руб. затрат в России производилось инновационной продукции на 5,5 руб., то в 2009 г. – только на 2,4 руб. По различным оценкам, от 70 до 100 % прироста производства промышленности развитых стран обеспечивается именно за счет использования инноваций. Да и сами промышленные предприятия не отличаются щедростью в финансировании затрат на разработку новой техники и новой технологии. В первую тысячу крупных мировых компаний по затратам на научные исследования и конструкторские разработки (НИОКР) вошли только три российские компании: «Газпром» – 108-е место «Автоваз» – 758-е место и ОАО «Ситроникс» – 868-е место [4, с. 7].

По данным опроса, проведенного Центром промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН в докризисном 2007 г., 41 % промышленных предприятий использовали советские основные фонды, 44 % – модернизированное советское оборудование и 29 % – импортное оборудование. В общем объеме инвестиций в основной капитал преобладают капиталовложения в добывающие отрасли. В то же время сохраняется тенденция снижения инвестиций в машиностроение, другие отрасли обрабатывающей промышленности. Именно поэтому в России в 80 раз меньше, чем в Японии, и в 30 раз меньше, чем в Китае, производится новых машин и оборудования. По этой причине 40 % ВВП производится в сырьевых отраслях и 46 % доходной части федерального бюджета формируется за счет экспорта сырья и энергоносителей [5, с. 12].

Для того чтобы техника и технология использовались эффективно и находили широкомасштабное применение, необходимы институциональные и социальные условия, которые обеспечивают соответствующее использование нововведений. Хорошо известно, что крупное фабричное производство с его паровыми и электрическими двигателями оказалось несовместимым с натуральным хозяйством, мелкотоварным укладом, крепостничеством, низким уровнем образования.

О критическом и даже катастрофическом состоянии науки и образования в России в настоящее время не говорит разве что ленивый. И хотя расходы на науку составляют почти 500 млрд. руб. в год и по сравнению с 2005 г. ее финансирование увеличилось в 1,6 раза, а с 1999 г. выросло более чем в 10 раз, ситуация в научной сфере остается весьма сложной и проблематичной. Относительно развитых стран Европы, Северной Америки, Японии, Индии, Китая финансирование российской науки остается на низком уровне. Общие расходы на научные исследования и конструкторские разработки составляют в России около 1,0 % ВВП, в США – 2,7 %, Японии, Швеции и Израиле – от 3,5 до 4,5 % [5, с. 12]. По этой и другим причинам в настоящее время на Россию приходится менее 2,5 % статей в научных журналах, в то же время на Германию – свыше 7 %, на Китай – 10 % всех мировых научных публикаций. На закупках иностранных технологий Россия теряет ежегодно около 1 млрд дол. [4, с. 7].

Проблема состоит не только в недостаточных объемах финансирования науки и образования, но и в нерациональном распределении и использовании выделяемых на развитие науки государственных средств. В данном случае речь идет о все более распространяющихся таких явлениях, как махинации, банальное воровство и транжирование денежных средств, тех явлениях, которые характеризуются словом «коррупция». Фактов и примеров подобного рода более чем достаточно. Так, приобретение оборудования для Академии наук России и Академии медицинских наук обошлось в два-три раза выше рыночных цен. Например, в 2009 г. институт биомедицинской химии РАН закупил два криостата за 260 тыс. евро, в то время как рыночная цена каждого прибора не превышала 60 тыс. евро [4, с. 7].

Обращает на себя внимание и тот факт, что, расходуя миллиардные суммы средств на закупку иностранных технологий, российские предприятия приобретают и используют не новые разработки, а технику и технологию двадцати-тридцатилетней

давности. С одной стороны, для предприятий с изношенными основными фондами это безусловный прогресс; с другой стороны, по существу заранее программируется технологическое отставание.

В связи с этим вполне очевиден основной вектор дальнейшего развития – это экономический рост на основе инноваций и модернизации. Общеизвестны факторы и пути, способствующие движению в этом направлении. Однако и в научном, и в практическом аспектах следует акцентировать внимание на препятствиях, способных затормозить движение в данном направлении. К числу таких барьеров необходимо отнести такие, как монополизм, неопределенность экономической политики, отсутствие должных стимулов к инновациям, а также коррупция. Этот феноменальный барьер социально-экономического развития требует отдельного анализа и отдельных оценок.

Следует подчеркнуть, что на протяжении уже более двух десятилетий коррупция в России прогрессирует высокими темпами и по существу превратилась в национальное бедствие. О масштабах и глубине коррупционной деятельности свидетельствуют многочисленные примеры и факты.

По данным Счетной палаты, в 2009 г. ущерб от злоупотреблений при распределении бюджетных ресурсов составил 280 млрд. руб. В системе государственных закупок объем взяток составляет около 1 трлн руб. По различным оценкам, ущерб от коррупции в России составляет почти 300 млрд руб. в год [6, с. 14].

По данным экспертов МВД России, в настоящее время размер крупной взятки составляет более 900 тыс. руб., средней – 27 тыс. руб. По этим же данным, ежегодный расход предпринимателей на взятки чиновникам превышает 33 млрд дол., размер взяток на бытовом уровне составляет около 3 млрд дол. [7, с. 8].

Однако нет основания считать коррупцию чисто российским явлением. Этим своего рода недугом заражены в большей или меньшей степени практически все государства. Примечательным в этом отношении является рейтинг коррумпированности государственных органов в различных странах мира, составленный международной организацией «Трансперенш Интернэшнл». Показатель коррумпированности (взятки, манипуляции с бюджетными средствами и т.п.) выражается коэффициентом от 0 до 10: чем ниже коррупция, тем выше коэффициент. Согласно данному рейтингу самый высокий коэффициент (9,4) имеет Новая Зеландия. В первую тройку, кроме Новой Зеландии, вошли

Дания и Сингапур; США с коэффициентом 7,3 занимают 19-е место. Россия занимает 146-е место с коэффициентом 2,2, за Россией следуют Таджикистан (2,0) и Афганистан (1,3) [8, с. 4].

Естественно, подобного рода экспертные оценки носят относительный характер, но вопрос заключается в том, какие генераторы вызывают коррупцию, в чем детерминизм коррупционной деятельности. Среди глубинных причин, вызывающих распространение коррупции, следует указать на наличие аномалий в рыночном механизме. Своим конкретным проявлением такие аномалии находят в так называемой асимметрии рыночной информации. Дело в том, что реальная практика функционирования рыночной экономики опровергает известный неоклассический постулат о полной и достоверной информации экономических агентов при принятии тех или иных экономических решений. Под информацией в данном случае понимается совокупность сведений об объектах, субъектах сделки, тех или иных явлениях внешней среды, их параметрах и свойствах. Что касается асимметрии информации, то она характеризует неравномерность распределения информации между субъектами рыночных отношений. Если информация распределяется между участниками экономических отношений симметрично, то даже в случае ее неполноты это не приводит к негативным последствиям, в том числе и к возникновению коррупции.

В общеметодологическом смысле асимметрия рыночной информации – это явление объективного характера. Эту позицию отстаивают известные западные экономисты Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц, М. Спенс, К. Эрроу и др. Кстати, Дж. Акерлоф и Дж. Стиглиц за продуктивную разработку проблемы асимметрии информации удостоены Нобелевской премии в области экономики. Аналогичной позиции придерживаются отечественные экономисты С. Б. Авдашева, Р. И. Капелюшников, Я. И. Кузьминов, Е. В. Савицкая, В. И. Тамбовцев и др.

Наличие асимметрии информации генерирует различного рода негативные явления, к которым следует отнести финансовый риск, неблагоприятный отбор, коррупцию, а вместе с ней и рост транзакционных издержек и др. Масштабы, глубина, степень проявления негативных последствий определяются количественными и качественными характеристиками асимметрии информации. При этом в рамках той или иной модели рыночной экономики асимметрия информации имеет свои особенности.

Среди причин, имеющих сугубо российскую окраску, следует отнести несовершенство хозяйст-

венного механизма в условиях переходного периода. Включая в себя кроме чисто экономического механизма управление, хозяйственное право, хозяйственный механизм предопределяет регулирование социально-экономического развития. И если говорить о дефектах структурных элементов хозяйственного механизма, то необходимо обратить внимание на правовой механизм и особенно на хозяйственное право, которое своей неадекватностью создает условия для коррупционной деятельности.

Серьезные предпосылки коррупции создает все возрастающее с начала 2000-х гг. бюрократическое давление на российскую экономику. Заранее необходимо отметить, что восстановление вертикали власти и функционирование такой вертикали имели и имеют свое несомненное позитивное значение. Восстановленная вертикаль власти обеспечила межрегиональную консолидацию, укрепила единое экономическое пространство, определила социальный вектор в экономическом развитии и т.д.

Однако впоследствии обнаружились противоречивые явления в этом процессе: все более рельефной стала проявляться бюрократизация экономической и не только экономической сферы. Одним из первых симптомов такой тенденции является рост количества управленческих структур и численности чиновничьего аппарата.

Так, в 1992–2008 гг. численность государственных чиновников возросла в 1,7 раза. Причем численность населения России за этот период сократилась на 6 млн человек. В настоящее время численность работников всех органов власти, включая и муниципальных служащих (без военнослужащих, сотрудников органов МВД, МЧС и т.д.), составляет 2 млн 884 тыс. человек, и это на 90 млн человек трудоспособного населения.

С ростом численности аппарата управления увеличиваются и бюджетные расходы на его содержание. В частности, на начало 2011 г. средняя зарплата в системе управления составляла 35,2 тыс. руб. в месяц, что более чем в два раза выше, чем среднемесячная зарплата по России. Причем у федеральных чиновников среднемесячная зарплата составляет 50,3 тыс. руб. По данным Росстата, среднемесячная зарплата сотрудников аппарата Правительства России составляет 93,0 тыс. руб., Администрации Президента РФ – 86,9 тыс. руб., Минздравсоцразвития – 57,4 тыс. руб., Минфина – 63,0 тыс. руб., Минпромторга – 43,8 тыс. руб. и т.д. В целом содержание управленческого аппарата государства обходится бюджету в 809 млрд руб. [9, с. 4].

И в научном, и в практическом аспектах весьма важным представляется выяснение сущностной, содержательной стороны коррупции. Необходимо сразу же отметить, что с точки зрения этимологии в богатом русском языке нет слова «коррупция», и это подтверждает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, что указывает на иностранную родословную данного термина. Но это не означает, что исторически Россия никогда не сталкивалась с подобным явлением или что оно привнесено из-за рубежа.

В переводе с латинского, как трактует «Современный словарь иностранных слов» А. Н. Булыко, слово «коррупция» означает подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей и чиновников государственного аппарата [10, с. 360]. Синонимом этого иностранного слова в русском языке является слово «мзда», означающее плату, вознаграждение, барыш, корысть, а также слова «мздоимство», «мздолюбие», толкуемые как продажная душа и сильное расположение к взяточничеству [11, с. 32].

Коррупционная деятельность возникает и воспроизводится в конкретных условиях и в конкретной институциональной среде. Более того, коррупция становится составной частью социально-экономических институтов общества. Значение институционального фактора проявляется прежде всего в формировании спроса на право, который создает условия для получения определенных преференций, преимуществ.

Советская экономическая наука сущность и содержание коррупции трактовала как «подкупность и продажность в буржуазных государствах общественных и политических деятелей и чиновников государственного аппарата» [12, с. 541].

В современной российской экономической науке под коррупцией понимается «разновидность преступности государственной или муниципальной власти для получения выгоды в личных целях» [13, с. 230].

С методологических позиций институционализма коррупция представляет собой «разновидность оппортунистического поведения чиновников, возникающая вследствие высокого уровня асимметрии информации между гражданами (принципалами) и чиновниками (агентами)» [15, с. 45].

Междисциплинарная группа по коррупции Совета Европы определяет коррупцию как «взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и

которые ведут к нарушению обязанностей, возложенных по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений и имеют целью получение любых незаконных выгод для себя и других» [13, с. 230].

В данной трактовке субъектом коррупционной деятельности может быть не только государственное лицо или общественный деятель. И это очень важно, поскольку имеет место и иная позиция, согласно которой диапазон субъектов коррупции существенно ограничивается. В частности, сторонники либерального экономического направления не относят к разряду коррупции так называемые бытовые взятки, взятки в медицине и образовании. По их мнению, эти сферы функционируют на принципах социального государства, где предлагаются бесплатные услуги и здесь же применяется рыночный механизм, который и формирует теневой рынок. Проблема состоит в том, что в таких условиях необходимо оптимальное сочетание рыночных и нерыночных механизмов [14, с. 9].

Заслуживают внимания и подходы экспертов ООН, которые в понятие коррупции включают кражу, хищение и присвоение государственной собственности должностными лицами; злоупотребление служебным положением для получения неоправданных личных выгод (льгот, преимуществ) в результате неофициального использования официального статуса; конфликт интересов между общественным долгом и личной корыстью и др.

Формы проявления коррупции весьма многообразны и характеризуются различными по своей природе механизмами генерации и воспроизводства. Однако существуют критерии, на основе которых проводится классификация коррупционной деятельности, среди которых:

- субъект, генерирующий коррупционную деятельность;
 - частота коррупционной деятельности (систематическая или случайная);
 - характер коррупционной деятельности (вынужденная или инициативная коррупция) и др.
- Согласно методологии и методике Всемирного банка, выделяют административную коррупцию с «захватом государства» [15, с. 46–47].

Административная коррупция предполагает намеренное внесение искажений и усложнений в процессе предписанного исполнения законов, правил и характеристик регулирования с целью предоставить преимущества как государственным, так и негосударственным агентам в результате незаконного

обеспечения выгод для государственных чиновников. Коррупция с «захватом государства» предполагает воздействие на формирование основополагающих правил игры при помощи создания выгод для лиц, принимающих стратегические решения.

Для административной коррупции характерны негативные последствия, выражающиеся в ослаблении роли законов, снижении качественных параметров инфраструктуры и государственных услуг, значительном повышении неопределенности в условиях осуществления негативных трансакций. Она оказывает влияние на принятие решений относительно методов проведения реформ, а также приводит к консервации неэффективных институтов, отвечающих интересам отдельных групп.

Результатом коррупции с «захватом государства» являются экономические последствия изменений правил игры, создающих перераспределительные преимущества для отдельных групп. Действия, направленные на ограничение конкуренции и обеспечение доминирующего положения на конкретном рынке, снижают темпы и качество экономического роста. Данный тип коррупции, как правило, обуславливает ухудшение защиты прав собственности.

Вне зависимости от форм, типов и разновидностей коррупция становится препятствием обновления общества, фактором, замедляющим экономический рост, а также представляет серьезную угрозу экономической и национальной безопасности.

Коррупционная деятельность негативно влияет прежде всего на инвестиционную активность. Наличие коррупции в значительной мере повышает степень экономических рисков, что заставляет предпринимательский сектор снижать инвестиционную активность, особенно в долгосрочном периоде. Выделение многомиллиардных расходов на взятки существенным образом ограничивает объемы капитальных вложений.

На препятствия коррупционного характера наталкивается и попытка стабилизировать или снизить инфляцию. Предпринимательский корпус, затрачивая средства на взятки должностным лицам, включает эти расходы в состав трансакционных издержек, а следовательно, в цену товара или услуги, перекладывая, таким образом, понесенные затраты на потребителя. По некоторым данным, именно коррупция способствует более чем двукратному завышению цен на молоко и молочные продукты, поскольку между производителями и потребителями молока находятся промежуточные звенья в виде различных служб и контролирующих

органов, которые претендуют на своего рода ренту за свой правовой статус [8, с. 4].

Коррупция ослабляет действие механизма конкуренции, укрепляя и усиливая одновременно монополистические тенденции. Взаимопереплетение власти и бизнеса, сращивание чиновничьего аппарата с предпринимательскими структурами являются главной причиной административного давления на конкурента. Используются и другие методы: рейдерские захваты имущества, предоставление информации о финансово-экономическом положении конкурента, протектирование в получении выгодных госзаказов, предоставление льготных кредитов и т.д.

Пагубность коррупционной деятельности на всех уровнях власти и во всех сферах общества заключается в том, что она формирует институциональную базу терроризма в России, создает финансово-экономические условия для рекрутирования субъективного фактора терроризма.

В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема поиска путей, средств и методов по ограничению коррупционной деятельности. В контексте решения данной проблемы представляется целесообразным ограничение наличного денежного оборота. Подобная мера стимулировала бы интенсивное использование электронных платежей и размещение денежных средств на банковских счетах. Банковский счет позволяет идентифицировать его держателя и, таким образом, проследить причинно-следственную связь движения денежных средств: откуда и куда поступили эти средства.

Вполне возможно предвидеть и возражения относительно безукоризненности данной меры. Действительно, речь может идти о противодействующих приемах: разработка и использование схем, при помощи которых можно скрыть безналичную взятку. Сюда следует отнести открытие анонимных банковских счетов, счета так называемых фирм-однодневок, оформление кредитных карт на подставных лиц, создание нескольких фирм, которым переводятся деньги за якобы оказанные этими фирмами консультационные услуги. Именно таким методом действовала разоблаченная органами МВД России заместитель главы администрации Серпуховского района Московской области Е. Базаева, которая за передачу в собственность земельного участка потребовала от одного из местных предпринимателей взятку в 11 млн руб., предложив ему перечислить деньги на счета ее знакомых [7, с. 8].

Необходимо введение полной конфискации даже добросовестно приобретенных активов семей членов организованных преступных группировок, отказавшихся сотрудничать со следствием. Как известно, из Уголовного кодекса РФ статья о конфискации имущества была изъята в 2003 г. В 2006 г. эта статья была вновь возвращена, но, как считают юристы, в весьма расплывчатой форме и потому не приносит должного эффекта.

В СССР конфискация имущества относилась к числу самых распространенных наказаний не только за взятки, но и за разбой, хищение в особо крупных размерах, валютные операции и измену Родине. Причем изъятию подлежало не только нажитое незаконным путем имущество, но и всё имущество. Согласно отдельному перечню, не подлежали конфискации несколько наименований и, в частности, единственная теплая вещь – телогрейка или валенки.

В постсоветский период статья о конфискации хотя и сохранилась в Уголовном кодексе РФ, но практически не применялась, а в 2003 г. была совсем исключена из него. Основной финансовой санкцией стал штраф, размер которого увеличился до 1 млн руб.

Опыт применения конфискации имущества в качестве меры наказания за коррупционную деятельность свидетельствует о высокой эффективности этой меры наказания в борьбе с коррупцией во многих странах. В Италии, Гонконге, Южной Корее, США успех борьбы с коррупцией во многом был обеспечен жестким применением конфискации имущества. Так, в Италии создано Агентство по контролю за имуществом мафиозных кланов. Средства, конфискованные у коррупционеров, направляются на реализацию социальных программ, создание дополнительных рабочих мест, на содержание домов престарелых и т.п. Организованы и функционируют специальные консорциумы, занимающиеся использованием конфискованных участков земли [16, с. 10–11].

В целом речь идет о системном подходе к решению проблемы ограничения коррупционной деятельности. И в этой системе ведущую роль играют масштабные институциональные преобразования,

направленные на формирование эффективных институтов, внутренне соответствующих рыночной экономике и обеспечивающих благоприятное условие для модернизации российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делягин М. Давос : шанс на интеллектуальное лидерство / М. Делягин // Аргументы недели. – 2011. – № 2. – 20–26 янв. – 32 с.
2. Сорокин Д. О. Стратегии развития России / Д. О. Сорокин // Вопросы экономики. – 2010. – № 8. – С. 28–40.
3. Дубровая А. Проблемы инвестирования передовых производств / А. Дубровая // Экономист. – 2008. – № 10. – С. 46–49.
4. Бородкин С. Наука попала в катастрофу / С. Бородкин // Аргументы недели. – 2011. – № 7. – 22 февр. – 32 с.
5. Примаков Е. Россия на перепутье / Е. Примаков // Аргументы недели. – 2011. – № 5 (246) – 32 с.
6. Завадников П. «И прочие расходы...» / П. Завадников // Новая газета. – 2010. – 8 дек. – 32 с.
7. Барсова Е. В кризис взятки только выросли / Е. Барсова // Собеседник. – 2009. – № 42 (1269). – 4–10 нояб. – 32 с.
8. Панфилова Е. Все осуждают коррупционеров, но когда припечет, хотят сунуть конверт / Е. Панфилова // Комсомольская правда. – 2010. – 26 апр. – 20 с.
9. Гурдин К. Синекурам на смех / К. Гурдин // Аргументы недели. – 2011. – № 5 (246). – 10 февр. – 32 с.
10. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов / А. Н. Булыко // Справочное издание. – М. : Мартин, 2004. – 843 с.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2. Н – О. – 779 с.
12. Энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. – М. : Сов. энциклопедия, 1963. – Т. 1. – 63 с.
13. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 724 с.
14. Ясин Е. Весьма вероятно стагфляция / Е. Ясин // Собеседник. – 2011. – № 1. – 32 с.
15. Григорьев Л. Коррупция как препятствие модернизации / Л. Григорьев, М. Овчинников // Вопросы экономики. – 2008. – № 2. – С. 44–60.
16. Попова Н. Конфискация МРЕМ : Свет в конце туннеля? / Н. Попова // Аргументы недели. – 2010. – № 47 (237). – 2 дек. – 32 с.

Воронежский институт МВД России

Литвинов Д. А., доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации

Тел: 8 (473) 292-90-72

Voronezh Institute of Internal Affairs, Russian Federation

Litvinov D. A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation

Tel: 8 (473) 292-90-72